

Если Е Лицин тоже делила всех встреченных людей на некие категории, то та, в которую попадала Чу Лянь, скорее всего, называлась «маленькая соседка». Это была донельзя банальная социальная классификация — настолько банальная, что даже вызывала разочарование.

Впрочем, Чу Лянь оставалась оптимисткой. В «Письме незнакомки» героиня влюбилась в главного героя с того самого момента, как он переехал в соседнюю квартиру.

В этом году Чу Лянь исполнилось двадцать лет. Впереди у нее было столько времени — так много, что ей казалось, будто ее ждет любое прекрасное будущее, какое только может случиться. Хотя ее юность вовсе не состояла из одних лишь хороших моментов.

— Не хочешь зайти ко мне? — спросила Е Лицин.

Чу Лянь только о том и мечтала, поэтому закивала.

Е Лицин улыбнулась. Вообще-то улыбалась она нечасто: вспоминая Е Лицин восьмилетней давности, Чу Лянь яснее всего помнила ту единственную слезинку в темноте. Конечно, улыбка шла Е Лицин, просто Чу Лянь не привыкла ее видеть.

Когда Чу Лянь вошла в знакомый жилой комплекс и шагнула в знакомый коридор, на ее губах невольно заиграла насмешливая улыбка. Е Лицин направлялась к квартире, располагавшейся как раз напротив жилья Линь Юйлин.

— Сестричка Сяо-Е, ты арендовала квартиру здесь?

Е Лицин повернулась и посмотрела на нее:

— Я всегда жила здесь.

Зачем ей было так поступать? В двенадцать лет Чу Лянь не понимала причин, но теперь она во всем разобралась.

Лишь бы снова стать соседкой Е Лицин. Лишь бы снова быть рядом с ней.

— Конечно нет, — улыбнулась Е Лицин.

Слава богу, что это была Е Лицин, ведь скажи ей такое кто-нибудь другой, Чу Лянь решила бы, что перед ней сумасшедшая — даже если бы это была Линь Юйлин.

Как Е Лицин вообще это удалось? Неужели Чу Лянь снова видит сон? Или Е Лицин опять повернула время вспять?

Чу Лянь вошла внутрь. На мгновение ей показалось, будто перед ней ожило все детство. Эта квартира — вся мебель в ней, убранство, планировка, включая матрешек на книжной полке и следы пыли на подоконнике — точь-в-точь повторяла дом Е Лицин времен начальной школы Чу Лянь.

Но Е Лицин действительно снова стала соседкой Чу Лянь. Она жила в квартире напротив съемного жилья Линь Юйлин. Все детство словно повторилось заново. Чу Лянь подумала, что Линь Юйлин ведь говорила: когда срок договора аренды истечет, продлевать она его не станет. Быть может, тогда Чу Лянь сможет снять квартиру Линь Юйлин.

— Как ты жила все эти годы? — спросила она.

Е Лицин любила ее, и она любила Е Лицин.

Если заходила речь о деньгах, отец Чу Лянь, судя по всему, при разводе подстраховался и сумел вывести довольно внушительное состояние. Впрочем, еще до получения свидетельства о расторжении брака мать Чу Лянь тоже перевела большую сумму в драгоценности. Она обожала нефрит: зеленый императорский, яблочно-зеленый с сиреневым, нежно-белый хотанский, южнокрасный агат, сугилит... звонко стуча, накупила целую гору. Некоторые нефритовые браслеты зеленели, как шпинат, другие пестрели всеми цветами радуги, напоминая палитру художника. Сколько именно было потрачено, уже никто не знал, но сумма определенно оказалась астрономической.

— Отец хочет, чтобы мой младший братец был гением, лучше всего — чтобы поступил в Цинхуа или Пекинский университет, желательно на техническую специальность, вроде химии, биологии или материаловедения. Он только пошел в начальную школу, но за целый час не может написать и строчки пиньиня. Отец водил его в больницу, и врач сказал, что это аутизм... Честно говоря, ты правда хочешь слушать обо всем этом?

— Ты волшебница? — спросила Чу Лянь, кладя пакет с раками на гостинный столик. Через пластиковый пакет раки все еще ощущали тепло и источали аромат перца. Незадолго до этого она посмотрела в кинотеатре «Гарри Поттер и Дары Смерти» обе части, и казалось, что только магия способна объяснить все, что было связано с Е Лицин.

Затем она снова заговорила о сводном брате, рожденном той женщиной.

Е Лицин сидела на стуле и смотрела на Чу Лянь. Выражение ее лица было серьезным и сосредоточенным, полным глубокой задумчивости — точь-в-точь как тогда, когда много лет назад Чу Лянь плакала ей на смерть Линь Мэйли.

— Я... вообще-то я бываю здесь нечасто, — произнесла Чу Лянь.

— Конечно, я хочу тебя выслушать, — ответила та.

Слово «любить» — на редкость коварное и ядовитое. Одна любовь может перерасти в глубокое чувство на всю жизнь, когда на двоих лишь одно сердце; другая любовь служит лишь двусмысленным и нерешительным оправданием; третья со временем выцветает, превращаясь в неприязнь и отчуждение; а бывает и так, что любовь, подобно ее чувству к Линь Юйлин, замирает на месте и не движется вперед.

Пока Чу Лянь говорила, она непрерывно ходила туда-сюда по гостиной — казалось, движение помогало ей освежить воспоминания. Ее мачеха, помогая младшему брату с уроками, пришла в такую ярость, что швырнула чайную чашку в окно, едва не угодив в прохожего — к счастью, никто не пострадал. Отец потратил уйму денег, чтобы уладить инцидент, а мать Чу Лянь, услышав об этом, лишь озадаченно пробормотала себе под нос: «Сколько же денег он оставил себе?»

— Когда отец только начинал свой бизнес, он нанял секретаршу — говорят, какую-то дальнюю племянницу или типа того своего партнера. Она помогала ему печатать документы, оформляла бумаги... — Чу Лянь вздохнула. — А потом мои родители развелись, и отец женился на той тетке.

Чу Лянь внезапно охватило непреодолимое желание излить душу. Ей хотелось рассказать Е Лицин абсолютно всё. За эти восемь лет произошло очень и очень многое, но стоило облечь это в слова, как все пережитое превратилось в пустую, безвкусную и никчемную хронику будней.

— Когда твоя подруга выставила тебя за дверь, ты могла прийти ко мне, — сказала Е Лицин. Она достала ключи, открыла дверь и сделала приглашающий жест. Пару лет назад мать Чу Лянь поддалась сиюминутному порыву и отправила свои ювелирные украшения в авторитетную экспертную организацию. Все те прекрасные нефритовые камни оказались подделкой: либо обычные камни с подкраской, либо дешёвые агаты и халцедоны, выдаваемые за хотанский нефрит, а общая их стоимость в сумме не превышала и сотни юаней. Зато золотые украшения оказались настоящими, ведь цены на золото неуклонно росли.

— Мама часто говорила: золото имеет цену, а нефрит бесценен. Теперь я кажется всё поняла: бесценный означает, наверное, что ты купила подделку, которая не стоит и ломаного гроша... Я говорю серьезно, всё это, пожалуй, безумно скучно, тебе наверняка неинтересно слушать, — горько улыбнулась Чу Лянь.

Е Лицин лишь легко покачала головой.

Чу Лянь замолчала. Она смотрела на Е Лицин, гадая, сколько же ей на самом деле лет. Двадцать с лишним? Больше пятидесяти? Больше тысячи? Ее глаза порой казались похожими на скованную льдом гладь озера, отражающую всё, что пыталось заглянуть в её глубину, а порой — на некие черные драгоценные камни, источающие таинственный тусклый свет.

— Я повидала много людей, и в твоём возрасте у каждого за плечами самые разные истории, — произнесла Е Лицин. — Некоторые из них подсаживались на наркотики, предавались азартным играм, теряли человеческий облик, но всё же продолжали жить; другие же упорно во всем преуспевали, их жгло лучезарное будущее, но они внезапно погибали в результате несчастного случая. Чу Лянь, ты — другая. Я всегда испытывала к тебе любопытство, и так продолжается уже столько лет.

Чу Лянь слегка поперхнулась. Она не знала, как ответить Е Лицин красивыми словами. Спустя мгновение ей в голову пришел самый нелепый ответ:

— Я очень обычная.

Но Е Лицин лишь улыбнулась, глядя на нее глубоким, пронзительным взглядом.

Чу Лянь направилась к выходу:

— Полагаю, мне пора идти.

Она проговорила так долго — по меньшей мере часа два. Возможно, из-за того, что сегодня вечером она была немного возбуждена, сейчас она не чувствовала ни жажды, ни усталости. И все же ей нужно было вернуться, чтобы проверить, благополучно ли вернулась Линь Юйлин. Если Линь Юйлин всё еще злилась на нее, Чу Лянь, пожалуй, напрочь лишилась бы стыда и завалилась спать в гостиной на всю ночь, поскольку двери студенческого общежития к этому часу наверняка уже закрылись.

— Не забудь еду, — напомнила Е Лицин.

Жареные раки лежали на столе в нетронutom виде и наверняка уже насквозь остыли. Когда Чу Лянь протянула руку, чтобы взять их, она удивленно распахнула глаза.

Раки по-прежнему были теплыми.

И дело было вовсе не в жаркой погоде, которая могла бы сохранить тепло — тем более что в квартире Е Лицин всегда стояла прохлада, словно работал кондиционер. От полиэтиленового пакета едва заметно поднимался пар, будто их только что сняли с плиты.

Чу Лянь достала телефон, чтобы взглянуть на время. Они с Линь Юйлин отправились на улицу еды вместе примерно в половине восьмого вечера, затем между ними вспыхнула ссора, Чу Лянь встретила Е Лицин, вернулась с ночного рынка и проговорила еще очень, очень долго. Однако дисплей показывал, что еще не было и восьми.

Время. Да, время.

Когда Чу Лянь находилась рядом с Е Лицин, время словно замирало или в нем происходил какой-то сбой.

В то же время у Чу Лянь возникло четкое и сильное ощущение: Е Лицин способна на куда большее.

Перед уходом Чу Лянь еще раз оглянулась.

Всё выглядело точь-в-точь как в ее детских воспоминаниях. Тусклый свет в гостиной, с десятков полусогнутых бесцарственных фигур с неразличимыми лицами, выстроившихся в ряд посреди комнаты. А Е Лицин сидела прямо перед ними.

Словно божество, принимающее защитников веры.

Неся раков, Чу Лянь прошла по коридору и вернулась в арендованную квартиру Линь Юйлин. Стоило ей открыть дверь, как в нос ударил густой запах табачного дыма — ей показалось, что начался пожар или что Линь Юйлин снова подорвала микроволновку. Однако уже через секунду она увидела, что Линь Юйлин сидит у входа в спальню, устроившись на стуле с сигаретой в руке.

Линь Юйлин не курила. В старшей школе она однажды сперла сигарету из отцовской пачки и после уроков потащила Чу Лянь за собой, заявив, что хочет прочувствовать образ плохой девчонки, которая курит, пьет и делает заливку. Они докурили ту сигарету на двоих: Чу Лянь затянулась всего пару раз, а Линь Юйлин выкурила большую часть, кашляя до слез из глаз.

Чу Лянь терпеть не могла запах табачного дыма и была уверена, что Линь Юйлин тоже не любит курить.

Чу Лянь устала на Линь Юйлин. В левой руке она все еще держала пакет с источающими жар раками, а курящая Линь Юйлин казалась ей динозавром, внезапно вырвавшимся из зоопарка и беззастесливо фланирующим по библиотеке кампуса.

— И долго ты собираешься так продолжать? — стряхивая пепел, срывающимся от слез голосом спросила Линь Юйлин.

Просто безумие: динозавр разгуливает по библиотеке и изрекает не имеющие отношения к делу пророчества.

— Что? — переспросила Чу Лянь.

— Я с самого начала чувствовала, что с этой квартирой что-то не так... Со всем этим зданием что-то не так! — Линь Юйлин заплакала, слезы покатались по ее щекам, и она смахнула их тыльной стороной ладони, свободной от сигареты.

Чу Лянь быстро шагнула вперед, желая утешить подругу, но внезапно почувствовала, что окутывающий Линь Юйлин дым служит невидимой броней, разделяющей их двоих.

— Я видела, как ты заходила в квартиру напротив. Я спрашивала у хозяина, квартира напротив уже давно пустует. Ты же увидела какую-то нечисть, да?

Линь Юйлин перестала платить слезами и снова принялась жадно затягиваться сигаретой за сигаретой.

Вот оно в чем дело, Чу Лянь едва не рассмеялась.

Она подошла к Линь Юйлин, присела на корточки и подняла на нее взгляд.

— Сяо Лин, послушай, я тебе всё объясню.

<http://bllate.org/book/21516/2207289>